

НОВОЛЕТНИЙ МИР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ И ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

Издается с января 1925 г.

№ 8 (1096)

Август, 2016 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ЕВГЕНИЙ КАРАСЁВ — Хлеб с солью, стихи	3
АЛЕКСАНДР ИЛИЧЕВСКИЙ — Узкое небо, широкая река, повесть	9
АНДРЕЙ ТАВРОВ — Выговори меня, стихи	46
БОРИС ЕКИМОВ — Живые помощи, рассказ	52
МАРИЯ ВАТУТИНА — Осколок мира, стихи	67
ИЛЬЯ ОГАНДЖАНОВ — Игра природы, рассказ	73
АНАТОЛИЙ ЕРМОЛОВ — Кабы знать, стихи	79
ЛЕВ ДАНИЛКИН — Владимир Ленин, глава из книги	82
СЕРГЕЙ ПОПОВ — Мальковые страхи, стихи	130

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ

АЛВАРУ ДЕ КАМПУШ: ALTER EGO ФЕРНАНДО ПЕССОА (1888 — 1935). Перевод с португальского, вступление и примечания Ирины Фещенко-Скворцовой	136
---	-----

МИР ИСКУССТВА

ОЛЬГА РАЕВА — Эссенция ДДШ	146
ДМИТРИЙ БАВИЛЬСКИЙ — Шостакович между русской культурой и советским искусством	156

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

МИЛОСЕРДИЕ. Неизвестное письмо Д. Д. Шостаковича о С. С. Прокофьеве. Публикация, текстовый комментарий и примечания В. В. Перхина	162
---	-----

ДАЛЕКОЕ БЛИЗКОЕ

ЕЛЕНА ПЕНСКАЯ — Свидетель и хроникер. Дмитрий Иванович Журавлев (1901 — 1979)	166
--	-----

СОДЕРЖАНИЕ (окончание)

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ИРИНА СУРАТ — Откуда «ворованный воздух»?	184
---	-----

РЕЦЕНЗИИ. ОБЗОРЫ

Ирина Роднянская. Остров радости (Алексей Смирнов. Виолончель за бумажной стеной)	192
Кирилл Корчагин. Раздвижение и ускользание (Александр Скидан. <i>Membra disjecta</i>)	197
Ольга Брейнингер. Историография <i>bona fide</i> (Сергей Беляков. Тень Мазепы)	202
Юрий Каграманов. Путем непройденных «Вех» (Рената Гальцева. Эпоха неравновесия)	206
<hr/>	
КНИЖНАЯ ПОЛКА АРКАДИЯ ШТЫПЕЛЯ	208
МАРИЯ ГАЛИНА: HYPERFICTION	214

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ЛИСТКИ

Книги (составитель Сергей Костырко)	219
Периодика (составитель Андрей Василевский)	223
SUMMARY	238

В 2016 году на журнал можно подписаться в редакции с любого месяца по цене 330 руб. за 1 экз; стоимость подписки на полугодие 1980 руб. (для РФ).

Подписка оформляется напрямую в редакции, где вы можете воспользоваться льготными предложениями и выбрать любые номера, включая те, на которые подписка на почте не оформляется.

Для оформления подписки через редакцию нужно сделать заказ по электронной почте или по факсу. В заявке следует указать:

- полное название организации (для юридического лица) или Ф.И.О. (для физического лица)
- точный почтовый адрес (с обязательным указанием почтового индекса)
- контактные телефоны, факс или адрес электронной почты (для отправки счета)
- для юридических лиц — реквизиты для оформления бухгалтерских документов (ИНН, КПП, юридический адрес)

При получении заказа вам будет направлен счет. После его оплаты вы будете получать журналы почтовой бандеролью по мере их выхода из печати (с приложением необходимых бухгалтерских документов). По желанию подписчика возможно получение журналов в редакции.

Тел./факс: 7 (495) 650-62-13 / 7 (495) 694-08-29

Эл. почта: zakazinovimir@mail.ru / Сайт: nm1925.ru

В 2016 году «Новый мир» выходит при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.

ИРИНА СУРАТ

ОТКУДА «ВОРОВАННЫЙ ВОЗДУХ»?

«**В**се произведения мировой литературы я делю на разрешенные и написанные без разрешения. Первые — это мразь, вторые — ворованный воздух»¹ — эта известная мандельштамовская формула настоящей литературы как будто не нуждается в комментарии. Она совершенно согласна с общим духом «Четвертой прозы», при том что есть там и совсем другие метафоры литературы, не менее замечательные: «дикое мясо», «дырка» в «бубличном тесте», «брюссельское кружево» (2, 358). Эти контрастные, полемически заряженные образы относятся к литературе самой, а «ворованный воздух» говорит скорее о ее природе, природной свободе и одновременно — о насущной необходимости ее для самого пишущего. Мандельштамовская формула органична, самодостаточна и понятна, и все же кажется не лишним поделиться догадками о ее происхождении, которые могут немного сдвинуть восприятие и самих этих слов, и, может быть, всей «Четвертой прозы».

Тема воровства восходит к жизненной истории, давшей импульс тексту, — это известная история публикации в сентябре 1928 года перевода «Легенды об Уленшпигеле» с ошибочной надписью на титульном листе: «Перевод с французского Осипа Мандельштама», тогда как Мандельштам был не переводчиком романа Де Костера, а редактором и компилятором переводов В. Н. Карякина и А. Г. Горнфельда². Ошибку допустило издательство, но Мандельштам оказался в эпицентре грандиозного скандала и сразу же был обвинен в воровстве. 18 октября Горнфельд писал Р. М. Шейниной: «Вышел „Уленшпигель” в переводе якобы О. Мандельштама (поэта), но на самом деле краденый у меня и другого переводчика. Мандельштам — талантливый, но безпутный человек, умница, свинья, мелкий жулик, бомбардирует телеграммами, моля о пощаде (я могу посадить его на скамью подсудимых)...»³; той же корреспондентке 28 октября: «С „Уленшпигелем” не старая история, а совсем новая: из него выкрал часть Мандельштам...»⁴ В дальнейшем он Мандельштама иначе как «жуликом» не называет, из частной переписки это обвинение попадает в публичное пространство — в открытом письме, опубликованном через месяц в «Красной газете», Горнфельд пишет: «Но когда, бродя по толчке, я вижу, хотя и в передланном виде, пальто, вчера унесенное из моей прихожей, я вправе заявить: „А ведь пальто-то краденое”». Именно эту задевшую его фразу Мандельштам берет эпиграфом к своему объяснительному открытому письму в

Сурат Ирина Захаровна — исследователь русской поэзии, доктор филологических наук. Автор книг «Мандельштам и Пушкин» (М., 2009), «Вчерашнее солнце. О Пушкине и пушкинистах» (М., 2009). Постоянный автор «Нового мира». Живет в Москве.

¹ Произведения Мандельштама, за исключением особо оговоренных случаев, цитируются по изданию: Мандельштам О. Э. Полн. собр. соч. В 3-х тт. Сост. А. Г. Мец. М., «Прогресс-Плеяда», 2009 — 2011, с указанием в скобках тома и страницы.

² Фактическая сторона подробно изложена в статье: Н е р л е р П а в е л. Битва под Уленшпигелем. — «Знамя», 2014, № 2, 3 (прим. ред.).

³ Цит. по: Мандельштам О. Э. Полн. собр. соч. В 3-х тт. Приложение. Летопись жизни и творчества. Сост. А. Г. Мец при участии С. В. Василенко, Л. М. Видгофа, Д. И. Зубарева, Д. И. Лубянской. М., «Прогресс-Плеяда», 2014, стр. 334 — 335.

⁴ Там же, стр. 337.

редакцию «Вечерней Москвы» в декабре 1928 года, именно на это он реагирует наиболее остро: «...как мог он унизиться до своей фразы о „шубе“?» (3, 461, 463). Затем следует фельетон Д. И. Заславского в «Литературной газете» с теми же и другими обвинениями — на все это Мандельштам пытается ответить в неотправленном «Открытом письме советским писателям» (начало 1930 года): «А ну-ка поставим [вопрос] в дискуссионном порядке, кто из нас вор... Выходи, кто следующий!.. Но меня на этом вороньем празднике не будет» (3, 491).

Мандельштам был совершенно затравлен. Из этого состояния он вышел текстом-поступком «Четвертой прозы» — беспрецедентным художественным высказыванием, в котором и тема воровства нашла свое отражение. Здесь он объявил ворами своих гонителей: «Моя кровь, отягощенная наследством овцеводов, патриархов и царей, бунтует против вороватой цыганщины писательского отродья. Еще ребенком меня похитил скрипучий табор немых романес и столько-то лет проваландал по своим похабным маршрутам, тщетно слясь меня научить своему единственному ремеслу, единственному занятию, единственному искусству — краже» (2, 354 — 355). Горнфельдовское «краденое пальто» Мандельштам перелицевал в шубу и одновременно — в шинель Акакия Акакиевича: «Я, скорняк драгоценных мехов, я, едва не задохнувшийся от литературной пушнины, несу моральную ответственность за то, что внушил петербургскому хаму желание процитировать как пасквильный анекдот жаркую гоголевскую шубу, сорванную ночью на площади с плеч старейшего комсомольца — Акакия Акакиевича. Я срываю с себя литературную шубу и топчу ее ногами. Я в одном пиджачке в тридцатиградусный мороз три раза пробегу по бульварным кольцам Москвы» (2, 356).

Этим радикальным жестом поэт вывел себя за рамки профессионального писательского сообщества, бросил ему вызов, разорвал все связи с ним. Травле, судилищу он противопоставил художественный текст небывалой освобождающей силы, на криминальные обвинения дал ответ художественный, проведя границу между настоящим творчеством и всем остальным. Этот текст-поступок имеет большую предысторию в жизни Мандельштама, и смысл его далеко выходит за пределы скандала с «Уленшпигелем» — в «Четвертой прозе» закреплена иерархия вещей и ощущение свободы художника, которую нельзя отнять, но и взять ее не каждому дано, вот она-то и есть «ворованный воздух», и слово «ворованный» тут повернуто своим полемическим смыслом («кто из нас вор»), а словом «воздух» означено то, что принадлежит всем и никому, из чего истекает свободное слово и что входит в текст как признак качества, «на чем держится узор: воздух, проколы, прогулы» (2, 358). Шулерству и склоке литературных «романес» противостоит само творчество, его «выпрямительный вдох».

При чтении «Четвертой прозы» бросается в глаза смешение этического с эстетическим или, точнее, настойчивое замещение одного другим, и это не путаница, а твердая, осознанная и артикулированная Мандельштамом позиция. Мы знаем о ней не только из «Четвертой прозы», но и, например, из воспоминаний Надежды Яковлевны об участии Мандельштама в судьбе пяти банковских служащих, приговоренных к казни: «О. М. случайно узнал на улице про предполагаемый расстрел пяти стариков и в дикой ярости метался по Москве, требуя отмены приговора. Все только пожимали плечами, и он со всей силой обрушился на Бухарина, единственного человека, который поддавался доводам и не спрашивал: „А вам-то что?“ Как последний довод против казни О. М. прислал Бухарину свою только что вышедшую книгу „Стихотворения“ с надписью: в этой книге каждая строчка говорит против того, что вы собираетесь сделать... Я не ставлю эту фразу в кавычки, потому что запомнила ее не текстуально, а только смысл»⁵.

Смысл в том, что террор не совместим с искусством, и другие низости тоже с ним не совместимы, и те, кто причастен к травле, доносам, казням, не имеют отношения к искусству. «Четвертая проза» стала «последним доводом» Мандельштама в борьбе за правду и свое достоинство — доводом стало само

⁵ Мандельштам Н. Я. Воспоминания. М., «Согласие», 1999, стр. 134 — 135.

качество этого ни на что не похожего текста. Первая глава утрачена, известный нам текст начинается с той самой истории о спасении банковских служащих, в общую картину самосуда и террора встроена и собственная мандельштамовская история — всему этому в смысловой структуре «Четвертой прозы» противопоставлено настоящее искусство. Слово «настоящее» здесь — мандельштамовское:

«Есть прекрасный русский стих, который я не устану твердить в московские псинные ночи, от которого как наваждение рассыпается рогатая нечисть. Угадайте, друзья, этот стих: он полозьями пишет по снегу, он ключом верещит в замке, он морозом стреляет в комнату:

...Не расстреливал несчастных по темницам.

Вот символ веры, вот поэтический канон настоящего писателя — смертельного врага литературы»⁶.

Схватку с «рогатой нечистью» Мандельштам переводит в план эстетический, нравственную чистоплотность называет «поэтическим каноном», а бездарность и дурной вкус приравнивает к преступлению, к убийству, хоть и «литературному»: «Человек, способный назвать свою книгу „Муки слова“, рожден с каиновой печатью литературного убийцы на лбу» (2, 352), — это сказано про Горнфельда. Так что противопоставление плохой и настоящей литературы получает в «Четвертой прозе» самый радикальный нравственный смысл. В связи с этим вспоминается поведение Мандельштама в более позднем бытовом конфликте с Амиром Саргиджаном: во время товарищеского суда он вел себя с обывательской точки зрения странно: «Вместо того, чтобы разумно объяснить, как обстояло дело в действительности, он, нервно и звонко, почти певуче вскрикивая, напирал на то, что Саргиджан и его жена — ничтожные, дурные люди и плохие писатели, вовсе не писатели»⁷, т. е. вместо доводов по существу конфликта предьявлял аргумент эстетический. Такой же эстетический аргумент представляет собой и «Четвертая проза» — манифест личной независимости одновременно оказывается и манифестом настоящего искусства.

Комментируя 12 — 13 главы «Четвертой прозы», М. Л. Гаспаров уточнил, что слово «литература» употребляется здесь в «унижающем, верленовском смысле»⁸. Это важнейшее замечание отсылает к знаменитому стихотворению Поля Верлена «Искусство поэзии» («Art poétique», 1874), к его финальному стиху, который в переводах Валерия Брюсова, Бориса Пастернака, Вильгельма Левика звучит одинаково: «Все прочее — литература!», а в переводе Георгия Шенгели чуть по-другому: «А прочее все — литература». Приведем эти стихи в оригинале и в переводе Валерия Брюсова:

Art poétique

A Charles Morice

De la musique avant toute chose,
Et pour cela préfère l'Impair
Plus vague et plus soluble dans l'air,
Sans rien en lui qui pèse ou qui pose.

Il faut aussi que tu n'aïlles point
Choisir tes mots sans quelque méprise:
Rien de plus cher que la chanson grise
Où l'Indécis au Précis se joint.

⁶ Этот фрагмент цитируется по изд.: Мандельштам О. Э. Сочинения В 2-х тт. Т. 2. М., «Художественная литература», 1990, стр. 93 — 94 («Четвертая проза» напечатана по списку А. А. Морозова).

⁷ Липкин С. И. Угль, пылающий огнем. — В кн.: Липкин С. И. Квадрига. М., «Аграф», «Книжный сад», 1997, стр. 380.

⁸ Мандельштам О. Стихотворения. Проза. М., «Рипол Классик», 2001, стр. 830; ср. у Аверинцева: «Характерно, что самое слово „литература“ и у Верлена, и у Мандельштама употребляется как бранное». — В кн.: Аверинцев С. С. Поэты. М., «Языки русской культуры», 1996, стр. 10 — 11.

C'est des beaux yeux derrière des voiles,
C'est le grand jour tremblant de midi,
C'est, par un ciel d'automne attiédi,
Le bleu fouillis des claires étoiles!

Car nous voulons la Nuance encor,
Pas la Couleur, rien que la nuance!
Oh ! la nuance seule fiancée
Le rêve au rêve et la flûte au cor!

Fuis du plus loin la Pointe assassine,
L'Esprit cruel et le Rire impur,
Qui font pleurer les yeux de l'Azur,
Et tout cet ail de basse cuisine!

Prends l'éloquence et tords-lui son cou!
Tu feras bien, en train d'énergie,
De rendre un peu la Rime assagie.
Si l'on n'y veille, elle ira jusqu'ouï?

Ô qui dira les torts de la Rime!
Quel enfant sourd ou quel nègre fou
Nous a forgé ce bijou d'un sou
Qui sonne creux et faux sous la lime?

De la musique encore et toujours!
Que ton vers soit la chose envolée
Qu'on sent qui fuit d'une âme en allée
Vers d'autres cieux à d'autres amours.

Que ton vers soit la bonne aventure
Éparse au vent crispé du matin
Qui va fleurant la menthe et le thym...
Et tout le reste est littérature⁹.

Искусство поэзии

О музыке на первом месте!
Предпочитай размер такой,
Что зыбок, растворим и вместе
Не давит строгой полнотой.

Ценя слова как можно строже,
Люби в них странные черты.
Ах, песни пьяной что дороже,
Где точность с зыбкостью слиты!

То — взор прекрасный за вуалью,
То — в полдень задрожавший свет,
То — осенью, над синей далью,
Вечерний ясный блеск планет.

Одни оттенки нас пленяют,
Не краски: цвет их слишком строг!
Ах, лишь оттенки сочетают
Мечту с мечтой и с флейтой рог.

⁹ Французская поэзия в переводах русских поэтов 10 — 70-х годов XX века. М., «Радуга», 2005, стр. 418 — 420.

Страшись насмешек смертных фурий
И слишком остроумных слов
От них слеза в глазах Лазури!
И всех приправ плохих столов!

Риторике сломай ты шею!
Не очень рифмой дорожи.
Коль не присматривать за нею,
Куда она ведет, скажи!

О, кто расскажет рифмы лживость?
Кто, пьяный негр, иль кто, глухой,
Нам дал грошевую красоту
Игрушки хриплой и пустой!

О музыке всегда и снова!
Стихи крылатые твои
Пусть ищут за чертой земного,
Иных небес, иной любви!

Пусть в час, когда все небо хмуро,
Твой стих несется вдоль полян,
И мятою и тмином пьян...
Все прочее — литература!¹⁰

У Брюсова была задача перенести на русскую почву идеи французского символизма, и, действительно, «Искусство поэзии» стало манифестом символизма не только французского, но и русского. Манделъштам, конечно, смолоду знал брюсовский перевод — он рано увлекся Брюсовым и даже воспринимался как «будущий Брюсов» (так охарактеризовал Манделъштама Максимилиан Волошин, впервые увидевший его в феврале 1907 года)¹¹, а Верлена он полюбил во время учебы в Сорбонне: Михаил Карпович, познакомившийся с Манделъштамом в Париже в декабре 1907 года, вспомнил, что «он с упоением декламировал „Грядущих гуннов” Брюсова. Но с таким же увлечением он декламировал и лирические стихи Верлена и даже написал свою версию *Gaspard Häuser'a*»¹². В каком-то смысле верно, что «...Верлена он отчасти воспринимал через посредничество Брюсова»¹³, хотя для понимания французских стихов перевод ему не был нужен.

Первый отчетливый след «Искусства поэзии» обнаруживается в письме Манделъштама к его учителю В. В. Гиппиусу из Парижа от 14 (27) апреля 1908 года: «...вам будет понятно мое увлечение музыкой жизни, которую я нашел у некоторых французских поэтов, и Брюсовым из русских» (3, 358) — связь этих слов с первым стихом верленовского манифеста очевидна, на нее указал переводчик, биограф и исследователь творчества Манделъштама Ральф Дутли¹⁴; в том же письме Манделъштам упоминает какой-то свой текст о Верлене, который до нас не дошел.

Сходный мотив звучит в стихотворении 1910 года «Silentium» — тютчевская тема молчания сочетается в нем с верленовской темой музыки, и это было слышано и отмечено Николаем Гумилевым в рецензии на второе издание

¹⁰ Верлэн Поль. Собрание стихов в переводе Валерия Брюсова. М., «Скорпион», 1911, стр. 97 — 98.

¹¹ Лекманов О. А. Осип Манделъштам: ворованный воздух. М., 2016, «АСТ», Редакция Елены Шубиной», стр. 38.

¹² Карпович Михаил. Мое знакомство с Манделъштамом. — В кн.: Осип Манделъштам и его время. М., «Наш дом», 1995, стр. 41.

¹³ Лекманов О. А. Осип Манделъштам: ворованный воздух, стр. 40.

¹⁴ Дутли Ральф. «Век мой, зверь мой». Осип Манделъштам. Биография. СПб., «Академический проект», 2005, стр. 43; ранее: D utli R alf. Ossip Mandelstam. «Als riefte man mich bei meinem Namen». Dialog mit Frankreich. Zürich, «Ammann», 1985, s. 67.

«Камня»: «„Silentium” с его колдовским призыванием до-бытия — „останься пеной, Афродита, и, слово, в музыку вернись” — не что иное, как смелое договаривание верленовского „L’art poétique”»¹⁵. Впоследствии Мандельштам цитирует «Искусство поэзии» в статье «Слово и культура» (1921), отмечена и переключка с ним в одном из стихотворений 1922 года¹⁶ — так или иначе, с юности этот текст прочно присутствует в его сознании, поворачиваясь разными своими смыслами. Из них важнейший — противопоставление «поэзии» и «литературы»; оно как ось проходит через все верленовское стихотворение и оформляется в двух его последних строфах. Мандельштам развивает, «смело договаривает» это противопоставление в программной статье «О собеседнике» (1912?): «Разница между литературой и поэзией следующая: литератор всегда обращается к конкретному слушателю, живому представителю эпохи. Даже если он пророчествует, он имеет в виду современника будущего. <...> Литератор обязан быть „выше”, „превосходнее” общества. Поучение — нерв литературы. Поэтому для литератора необходим пьедестал. Другое дело поэзия. Поэт связан только с провиденциальным собеседником. Быть выше своей эпохи, лучше своего общества для него не обязательно. Тот же Франсуа Виллон стоит гораздо ниже среднего нравственного и культурного уровня культуры XV века» (2, 10—11).

Эта цитата возвращает нас к «Четвертой прозе» — в ней противопоставление настоящего писателя и литературы доведено до предельной остроты: «настоящий писатель» назван «смертельным врагом литературы», «ибо литература везде и всюду выполняет одно назначение: помогает начальникам держать в повиновении солдат и помогает судьям вершить расправу над обреченными», «тюремщики любят читать романы и больше, чем кто-либо, нуждаются в литературе» (2, 355). Верленовское эстетическое разграничение поэзии и литературы здесь трансформировалось в противостояние социальное и нравственное. В том же «унижающем, верленовском смысле» слово «литература» фигурирует у Надежды Яковлевны — и там, где она комментирует статью «О собеседнике», и там, где выстраивает парадигму отношений писателя и общества на примерах Пастернака и Мандельштама¹⁷.

Для Мандельштама в этой парадигме важны были личности двух его любимых поэтов — Поля Верлена и Франсуа Вийона. Мы не знаем, что он написал в утраченной статье о Верлене, но опубликованный очерк «Франсуа Вийон» (1910 — 1912) начинается со слов об их глубинном родстве: «Астрономы точно предсказывают возвращение кометы через большой промежуток времени. Для тех, кто знает Виллона, явление Верлена представляется именно таким астрономическим чудом. Вибрация этих двух голосов поразительно сходная. Но кроме тембра и биографии, поэтов связывает почти одинаковая миссия в современной им литературе» (2, 13), и в том же очерке он формулирует кредо Вийона измененным первым стихом верленовского «Искусства поэзии»: «Du mouvement avant toute chose!» («Движение прежде всего») (2, 19). В этом раннем очерке создан портрет «вора... и поэта» (2, 18)¹⁸, комментируя его, Надежда Яковлевна отмечает его сходство с самим Мандельштамом¹⁹. И, кажется, это никогда не изменилось — о родстве с Вийоном и верности ему Мандельштам говорит в воронежском стихотворении 1937 года: «любимец мой кровный», «беззаботного праха истец», «рядом с готикой жил озоруючи», «наглый школьник и ангел ворующий», «рядом с ним не зазорно сидеть» («Чтоб, приятель и ветра и капель...», 1, 237—238). Это стихотворение возникло в тот момент,

¹⁵ Мандельштам Осип. Камень. Л., «Наука», 1990, стр. 220 — 221.

¹⁶ Левинтон Г. А., Тименчик Р. Д. Книга К. Ф. Тарановского о поэзии Мандельштама. В кн.: Тарановский К. Ф. О поэзии и поэтике. М., «Языки русской культуры», 2000, стр. 52 — 54, 408 — 409, 413 — 414; см. там же: стр. 52 — 53.

¹⁷ Мандельштам Н. Я. Воспоминания, стр. 317, 178.

¹⁸ Ср. с образом «старика, похожего на Верлена» в стихотворении «Старик» (1913).

¹⁹ Мандельштам Н. Я. Вторая книга. М., «Согласие», 1999, стр. 309.

когда «усилилась травля ОМ воронежской писательской организацией»²⁰, — в образе и судьбе Вийона Мандельштам видел близкую ему модель поведения в отношениях с литературным сообществом и обществом в целом. Так было в 1937 году, но так было и раньше, во время истории с «Уленшпигелем», когда он часто повторял: «Теперь нужно виλλονить»²¹. Вийоновское начало сильно в «Четвертой прозе» — оно сказалось и в общем духе озорства и беззакония, в насмешках над благопристойностью и «так называемой порядочностью» (2, 346), в сквозной теме воровства, которой Мандельштам дразнит своих преследователей: «Я один в России работаю с голоса, а кругом густопсовая сволочь пишет. Какой я к черту писатель? Пошли вон, дураки! Зато карандашей у меня много — и все краденые и разноцветные»; «Халды-балды! Я бы читал в дороге самую лучшую книжку Зоценки, и я бы радовался, как татарин, укравший сто рублей» (2, 350, 351). В том же ряду стоит и «ворованный воздух» — творчество как «метафора преступления», как определил суть этого образа Ральф Дутли²². Тут хочется напомнить пушкинские слова о Байроне: «Он мал, как мы, он мерзок, как мы! Врете, подлецы: он и мал и мерзок — не так, как вы — иначе» (письмо П. Вяземскому, вторая половина 1825 года). Если я и ворую, как будто говорит Мандельштам, то не так, как вы, — иначе.

В сочетании «ворованный воздух» есть острая парадоксальность — подобная парадоксальность организует и мотивный ряд стихов о Вийоне: «наглый школьник и ангел ворующий», «разбойник небесного клира». В «ворованном воздухе» Мандельштам резко совмещает сомнительное действие с той самой стихией, которая определяет высшее качество литературы, и здесь вийоновские коннотации не отделимы от верленовских. «...Виллон для него важен не как историческая индивидуальность, а как повторяющийся тип поэта: Виллон был прообразом Верлена, а Верлен был осознанным образом самого Мандельштама („...суровость Тютчева с ребячеством Верлена...”)»²³ — этот тезис М. Л. Гаспарова находит подтверждение в «Четвертой прозе», в ее вийоновско-верленовском духе ребячества и озорства, в вызывающей интонации и конкретно — в микросемантике ключевой формулы творчества.

Текстуально она восходит к верленовскому «Искусству поэзии», ко второму стиху предпоследней строфы: «Que ton vers soit la chose envolée» — буквально это значит: «пусть твой стих будет вещью улетевшей, парящей, поднявшейся в воздух». *Envolée* здесь — форма причастия прошедшего времени женского рода (*participe passé*) от глагола *s'envoler* — взлетать, улетать, который в свою очередь образован от глагола *voler* — летать; при этом во французском языке есть и отглагольное существительное *envolée*, означающее сам полет, порыв, и в частности, порыв вдохновения.

Брюсов перевел «Que ton vers soit la chose envolée» как «Стихи крылатые твои», и этот брюсовский вариант фигурирует у Мандельштама в той же статье «О собеседнике», где мы уже отметили верленовское противопоставление литературы и поэзии — в контексте этого противопоставления, как и у Верлена, возникает у Мандельштама тема стихов крылатых и бескрылых: «...обращение к конкретному собеседнику обескрыливает стих, лишает его воздуха, полета. Воздух стиха есть неожиданное» и дальше, по поводу Некрасова: «...отличный стих, летящий на сильных крыльях к провиденциальному собеседнику» (2, 9 — 11). Для Мандельштама тема крылатости неслучайна — он вводит ее как черту собственного образа в программный «Автопортрет» (1914): «В подняты головы крылатый / Намек...»; «так вот кому летать и петь...»; тут,

²⁰ Замечание М. Л. Гаспарова: Мандельштам О. Стихотворения. Проза, стр. 812.

²¹ Григорьев А., Петрова И. Мандельштам на пороге 30-х годов. — «Russian Literature», 1977, V. 5, Is. 2, p. 188.

²² Дутли Ральф. 1. Еще раз о Франсуа Вийоне. 2. Хлеб, икра и божественный лед: о значении еды и питья в творчестве Мандельштама. — «Сохрани мою речь...» Том 4. № 2. М., РГУ, 1993, стр. 83.

²³ Гаспаров М. Л. Две готики и два Египта в поэзии О. Мандельштама. — В кн.: Гаспаров М. Л. О русской поэзии. СПб., «Азбука», 2001, стр. 275.

очевидно, отразилась и увлеченность Мандельштама бергсоновскими идеями «порыва» и «движения», с которыми он познакомился во время обучения в Сорбонне (позже они будут развиты в «Разговоре о Данте»²⁴), и напомним, что именно движение Мандельштам называет «поэтическим *credo*» Вийона, формулируя его строкой из того же стихотворения Верлена об искусстве поэзии.

В приведенных мандельштамовских цитатах, прозаических и стихотворных, воздух и полет оказываются синонимами стиха, «летать» и «петь» — почти одно и то же. Но дело в том, что во французском языке есть два омонимичных глагола: *voler* — летать и *voler* — воровать. И причастие от второго глагола выглядит как *volé* (ворованный) или *volée* (ворованная). В верленовском *envolée* Мандельштам как будто расслышал оба слова сразу и совместил их в своем «ворованном воздухе» — совместил полет, порыв, принадлежность стихии воздуха и «ворованность», неразрешенность. Это органичный для Мандельштама пример работы с иноязычным словом — извлечение из него дополнительных смыслов при переносе в русский поэтический контекст. И, как часто у него бывает, смысловые соответствия закреплены звуком, в данном случае — консонантными созвучиями: **Верлен** — **vers** (стихи) — **ворованный**.

Как видим, в тяжелый период жизни Мандельштаму пришлось не только «виллонить», но и «верленить» — его поэты-спутники, любимые с юности, вместе живут в тексте «Четвертой прозы», и в самом определении настоящей литературы слышны их слившиеся голоса.

²⁴ См. об этом: Пак Сун Юн. Соподчиненность порыва и текста (Идеи А. Бергсона в «Разговоре о Данте» О. Мандельштама). — «Известия Российского Государственного педагогического университета им. А. И. Герцена», СПб., 2007. Т. 11. Выпуск 32, стр. 157 — 164.

SUMMARY

This issue publishes a short novel by Aleksander Ilichevsky «Narrow Sky, Wide River», a short story by Boris Yekimov «He That Dwelleth...», a short story by Ilya Ogandzhanov «Freak of Nature» and also chapters from biography book by Lev Danilkin «Vladimir Lenin». A poetry section of this issue is composed of new poems by Evgeny Karasev, Andrey Tavrov, Mariya Vatutina, Anatoly Yermolov and Sergey Popov.

The sections offerings are following:

New translations: «Alvaro de Campos — alter ego of Fernando Pessoa», translation of poems from Portugal and preface by Irina Feschenko-Skvortzova.

A World of Art: An essays by Olga Rayeva «Essence of DDSH» and by Dmitry Bavilsky «Shostakovich between Russian Culture and Soviet Art» are dedicated to 110 anniversary of the composer.

Publications and Reports: «A Compassion» — an unknown letter by Dmitry Shostakovich about Sergey Prokofiev published and commented by Vladimir Perhin.

Close Distant: Elena Penskaya at her essay «A Witness and a Guardian» writes about a unique experience of a describing of the own life which was attempted by physic Dmitry Zhuravlyov.

Literature studies: Irina Surat in her article «„Stolen Air” — Where From?» writes about a certain phrase by Osip Mandelstam.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Тексты, присланные на электронных носителях и по электронной почте, а также рукописи объемом более 12 авт. л. не рассматриваются.

Словесное сочетание «НОВЫЙ МИР» зарегистрировано ЗАО «Редакция журнала „Новый мир”» в качестве товарного знака по классам МККТУ 16, 38, 41, 42.

Общественный совет: Д. П. Бак, П. В. Басинский, А. Г. Битов, С. Г. Бочаров, А. Г. Волос, Д. А. Гранин, Б. П. Екимов, Ф. А. Искандер, Ю. М. Каграманов, А. А. Ким, Р. Т. Киреев, Ю. М. Кублановский, А. С. Кушнер, А. Н. Латынина, Б. Н. Любимов, А. М. Марченко, В. С. Непомнящий, И. Б. Роднянская, О. А. Славникова, М. О. Чудакова, О. Г. Чухонцев

Главный редактор А. В. Василевский

Первый заместитель главного редактора М. В. Бутов

Редакционная коллегия: М. С. Галина, В. А. Губайловский, М. Б. Ионова, С. П. Костырко, П. М. Крючков (зам. главного редактора), О. И. Новикова

Компьютерная верстка — М. А. Каганова

Адрес редакции: 127994, ГСП-4, Москва, Малый Путинковский пер., д. 1/2.
Телефоны: главный редактор — (495) 650-57-02, заместитель главного редактора — (495) 650-91-81, отдел прозы — (495) 694-54-96, отдел поэзии — (495) 629-56-92, отдел критики — (495) 650-57-02, для справок, продажа журналов — (495) 694-08-29.

Электронная почта: nmir2007@list.ru

по вопросам зарубежной подписки: novi-mir@mtu-net.ru

Сетевой журнал «Новый мир»: <http://www.nm1925.ru> • <http://novymirjournal.ru/>

Свидетельство Министерства Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций ПИ № 77-15286 от 28 апреля 2003 г.

Учредитель и издатель — ЗАО «Редакция журнала „Новый мир”».

Сдано в набор 25.06.2016 г. Подписано к печати 25.07.2016 г. Формат бумаги 70×108 1/16. Бумага кн.-журн. Офсетная печать. Объем 15,0 печ. л., 21,0 усл. печ. л., 27,0 уч.-изд. л.

Тираж 2500 экз. Зак. 2872-2016. Цена договорная.

Отпечатано в АО «Красная Звезда»,
123007, г. Москва, Хорошевское шоссе, 38
Тел.: (495) 941-28-62, (495) 941-34-72, (495) 941-31-62
<http://www.redstarph.ru> e-mail: kr_zvezda@mail.ru